

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ.

ПОМЕРАНЦ ГРИГОРИЙ СОЛОМОНОВИЧ

Философ, культуролог и публицист. Автор многочисленных философских работ, распространявшихся Самиздатом и оказавших в 1960—1970-е гг. огромное влияние на мировоззрение либеральной интеллигенции.

О термине «интеллигенция». История слова.

Несколько лет тому назад два достойных человека, академик Александр Панченко и поэт Николай Панченко резко разошлись в понимании интеллигенции... Александр Панченко утверждал, что интеллигенция и раньше немного стоила, а сейчас попросту сошла на нет. Николай Панченко с возмущением отвечал, что интеллигенция была, есть и будет самым лучшим в нашей культуре. Я думаю, они не понимали друг друга из-за неясности термина и, пожалуй, надо добавить, из-за различия мировоззрений... До конца 18 века латинское слово Intelligence означало «разумность». Наиболее интересное неожиданное толкование, которое я встретил в беседе Дэвида Бом с Кришнамурти. Дэвид Бом сводил Intelligence к латинскому Interleger - «между строк». Это сомнительно, с точки зрения чистой филологии, но интересно, что Кришнамурти это подхватил: ведь для него высший смысл всегда глубже уровня слов и всплывает в интервалах между словами. И это понимание во всяком случае интересно, вне зависимости от того, как обстоит дело лингвистически... В конце 18 века во Франции слово «Intelligence» получило новый смысл. Оно стало обозначать слой просвещенных, в отличие от непросвещенных. В этом качестве его усвоили и немцы. На одной из выставок я видел немецкую «Intellegentzeitung», 200-летнюю дату... 1800 года. Что это могло тогда значить? Я думаю, «Газета просвещенных». Газета читателей. Энциклопедия Дидро и де Ламбера, сочинения Вольтера и Руссо. Примерно в то же время из средневекового реквизита было взято слово «нация». Оно означала в средние века землячество студентов в Сорбонне, и никогда не прилагалось к нации в современном смысле государства. Идея нации, идея интеллигенции... Для чего же она понадобилась? Понадобилась потому, что суверенитет короля пошатнулся, понадобилось дать представление о народе-суверене, и этот народ-суверен получил название «нация», и с тех пор нация имеет современное значение. Идея нации и идея интеллигенции вступили в неоднозначное отношение. Французская революция считала себя революцией просвещенных, революцией всечеловеческих идей, и свою нацию рассматривало как ведущую нацию человечества. Напротив, немецкая нация складывалась под знаком романтизма, под знаком народной, прежде всего немецкой, самобытности, под знаком сопротивления Франции. Поэтому Гейне пошутил, что французский патриотизм расширяет нацию, а немецкий ее сужает. Немецкий патриотизм действительно имел оттенок ксенофобии, и нечто подобное бывает и с другими почвенными вариантами патриотизма.

О национализме и патриотизме

... патриотизм можно рассматривать как явление, вырастающее из чувства любви к родине, а национализм - это сумма идей, программа, идеология...

Шутка Гейне заставила меня с сомнением отнестись к попыткам строго отделить патриотизм от национализма. Такие попытки сейчас на каждом шагу бывают, но фактически она не выдерживает критики. Конечно, можно сказать, что патриотизм - любовь к родине, а национализм - ненависть к чужому. Но для ненависти к чужому есть точное слово - ксенофобия. И потом как оторвать национализм от национально-освободительного движения. Мне кажется, различие здесь другое. Скорее, патриотизм можно рассматривать как явление, вырастающее из чувства любви к родине, а национализм - это сумма идей, программа, идеология. Идеология от ума, а ум легче приходит за ум, чем сердце. Но бывает жестокое сердце и с патриотизмом не всегда все хорошо. В годы моей юности принято было считать, что национализм угнетенных наций имеет защитный характер и не так плох, как великодержавный шовинизм. Но исторический опыт заставляет сомневаться в этом. Хотя имперское высокомерие - не сахар, но он редко доходит до такой злобы, как обида униженных и оскорбленных. Психологически это показал еще Достоевский в своих романах, а сейчас мы это видим на примере ряда национальных движений. И, к сожалению, об этом надо помнить сейчас, когда сама Россия чувствует себя униженной и оскорбленной. Из чувства обиды может вырасти все, что угодно. В частности, Гитлер из нее вырос. Приведу пример бунта униженных из истории моего современника Короленко. Товарищ подsunул ему брошюру, в которой восхваляются подвиги Гунты. Примкнув к восстанию Железняк - а это было в середине 18-го века - Гунта свеченным ножом зарезал свою жену-польку и детей, рожденных от брака с полькой-католичкой. Это тот исторический факт, который отразился в Тарасе Бульбе: «я тебя породил, я тебя и убью». Ну, у Короленко, сын украинца и польки, с ужасом прочитал эту брошюру и с тех пор захотел отшатнуться от всех кровавых споров. И как он писал: «Моим отечеством стала русская литература». Именно литература. А не Российская империя, которая, кстати, проводила глупую политику запрета украинского языка. То есть, его отечеством стали русские писатели и читатели, в известной степени, русская интеллигенция, находившаяся в оппозиции к

официальному инстэблишменту. Чувство имперской вины настолько бросалось в глаза русской интеллигенции, что Федотов в своей «Трагедии интеллигенции» даже употребил слово "миопатия" - отвращение к отечеству. Насколько я могу судить, отвращение к империи исчезало, когда шла война с другой империей, например, в 14-м году. Тогда русская интеллигенция, как правило, была очень патриотична. Но когда возникало национально-освободительное движение, то симпатии интеллигенции раскалывались. В 63-м году, как вы знаете, Герцен выступил на стороне поляков. И сейчас мы видим, что диссиденты, которые привыкли сидеть в лагерях и тюрьмах вместе с бунтарями против имперского гнета, чувствуют их своими, как правило, занимают по отношению к различным националистическим движениям другую позицию, чем большинство русского общественного мнения. Это не чисто российский феномен. Какая-то часть парижских интеллектуалов, исходя из принципов французской культуры - «свобода, равенство, братство» и прочее - стояло на стороне алжирских бунтарей, а местные французы вели с ними вооруженную борьбу. Различие между настроением москвичей и ставропольцев, в особенности, если иметь в виду представителей московской интеллигенции, в первую Чеченскую войну строилось по той же схеме.

И снова об истории термина. Разночинцы и дворяне. Западники и почвенники.

«...интеллигенция - это тот слой нашего образованного общества, который с восхищением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящийся к умалению правительственной или духовно-церковной власти, ко всему же остальному равнодушный». И это в какой-то степени соответствует тому, что часть интеллигенции о себе самой думала, и это отразилось в понятии «интеллигент» как критически мыслящей личности...

Вернемся теперь к истории термина. После победы романтизма интеллигенция связана с идеологией Просвещения, с устремлением отделить просвещенных, передовых, вышел из моды. В нем был оттенок обособления элиты, а романтизм, наоборот, стремился растворить элиту в народе. Поэтому слово, так сказать, ушло вглубь словаря. Оно есть у Даля, но оно употреблялось только как красивое слово. «Соберите сегодня всю интеллигенцию». Это не означало общественного слоя. «Соберите сегодня всех блестящих, умных, и интересных людей». Социологического значения здесь не было. Но нужда в новом термине появилась после реформ Александра II. До этих реформ доступ в университеты был не очень широко открыт, и образованный человек из нижних слоев, если и попадал туда, то автоматически потом попадал в дворянство. Окончивший университет получал личное дворянство, а дослужившийся до известного чина - потомственное дворянство. Когда же в университет была широко открыта дорога разночинцам, то эта масса разночинцев не растворилась в дворянстве, а сама какую-то часть дворянства растворила в себе. И вот возник новый слой, который надо было как-то назвать. И вот Бабарыкин считал - и хвастался этим - что он первый применил к этому слою название «интеллигенция». Тогда же возникло слово «интеллигент», которого на Западе не было. На Западе есть слово «интеллектуал», есть слово «intellegenzia», но «интеллигент» - такого слова нет. Интеллектуал - это означает нечто иное. И как знак качества возникло слово «интеллигентность». Это уже слово, заключающее в себе некую оценку. К интеллигенции никто не относил священников - их образованность имела византийские корни. Между тем, интеллигент был носителем западной образованности. Победоносцев, который переводил «Подражание Христу Фомы Кемпийского» был вообще очень образованным человеком, ни в коем случае себя интеллигентом не считал, а само слово считал ненужным и манерным неологизмом. И он был не доволен тем, что Плеве, министр внутренних дел, это слово употреблял. Плеве вынужден был защищаться и объяснять, что с полицейской точки зрения это необходимо, как некий объект, с которым приходится иметь дело. Потому что интеллигенция - это тот слой нашего образованного общества - я это прочитал в его характеристике в воспоминаниях сына Суворина - это тот слой нашего общества, который с восхищением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящийся к умалению правительственной или духовно-православной власти, ко всему же остальному равнодушный. И это в какой-то степени соответствует тому, что часть интеллигенции о себе самой думала, и это отразилось в понятии «интеллигент» как критически мыслящей личности. Интеллигенты веховского направления критиковали суперкритицизм, но популярностью они до революции не пользовались. Это они сейчас очень популярны, а когда «Вехи» вышли, то, по-моему, 98 % людей, участвовавших в обсуждении, высказывались против этого. В 14 году... до 14-го года европейцы полагали, что интеллигенция - чисто русское явление, и «Intelligenza» в словаре Вебстера объяснялось как русские интеллектуалы, обычно в оппозиции к правительству. Но потом процессы вестернизации захватил огромное количество стран, бывших колоний, полукolonий, и всюду возникли, может быть, менее успешные образцы традициями, не обладавшие всеми оттенками, но всюду возникли слои, напоминающие русскую интеллигенцию. Всяду возник раскол на западников и почвенников - в мировой социологической мысли это вестернизаторы и традиционалисты. Так что это совершенно естественная черта в процессе вестернизации: возникает кризис, культура входит в другую культуру. Это как переливание крови не совсем той группы - возникают болезненные явления, не все, что привито, может пустить корни. Одни считают, что все плохо, потому что недостаточно решительно проводится вестернизация, а другие считают плохо, что слишком решительно. Это органическое явление не чисто русское. Чего обычно нет, так это усвоение интеллигентней некоторых дворянских черт. Этого, конечно, нет в Африке. А в России, где по традиции образованный человек становился дворянином, и некоторые черты дворянского самосознания в интеллигенцию вошло, в частности, отвращение к занятию торговлей. Это, собственно, не органично обязательно для интеллектуала, но чисто русская черта. Но основные черты повторялись.

Специфика интеллигенции.

...В какой-то степени, интеллигент - это Гамлет. Гамлет - это первый тип протоинтеллигенции. Конечно, но был принц, и вообще не относился не к какому особому социальному слою, но слова Гамлета: «Мир пошатнулся, и скверней всего, что я рожден восстановить его»... Вот это вот чувство, что мир в кризисе, что все нарушено, и ты призван как-то это дело исправить - это вот то, что составляет отличие интеллигента от интеллектуала...

Можно отнести к интеллигенции - это уже моя точка зрения - и определенный тип мыслителя, которого Мартин Бубер назвал проблематичным. Чтобы было ясно, о чем здесь идет речь, я сразу назову имена. Бубер делит мыслителей на два типа. Один - это Августин, Паскаль, Кьеркегор. Другой тип - это Аристотель, Аквинат, Гегель. Один тип - носитель кризиса внутри, для которого его собственное бытие вызывает сомнения, становится проблемой. А другой тип - носитель культуры в ее спокойном состоянии, который не сомневается в своей позиции человека, который призван объяснить то, что существует и что само по себе как бы достаточно прочно. В какой-то степени, интеллигент - это Гамлет. Гамлет - это первый тип протоинтеллигенции. Конечно, но был принц, и вообще... не относился не к какому особому социальному слою, но слова Гамлета: «Мир пошатнулся, и скверней всего, что я рожден восстановить его», в других переводах это звучит иначе - даже там «мир вывернулся из своей коленной чашки» и так далее. Вот это вот чувство, что мир в кризисе, что все нарушено, и ты призван как-то это дело исправить - это вот то, что составляет отличие интеллигента от интеллектуала. Интеллектуал знает, что его дело - заниматься своей профессией. Если хотите, для писателя это выразил Флобер: «мы, писатели, делаем свое дело - пусть проведение сделает свое». Вот позиция интеллектуала, носителя культуры, уверенного в том, что его деятельность имеет смысл, а история будет как-то сама происходить. *Тогда как для интеллигента характерно чувство тревоги, чувство кризиса, которое в 20-м веке становится все более распространенным, в том числе и на Западе.* И когда русские мыслители были на пароходе вывезены на Запад, то они неожиданно узнали, что они - экзистенциалисты, хотя они об этом не думали и термина этого не знали. Завязались личные отношения между, скажем, Бердяевым и Бубером и другими. Они, конечно, примыкали к тому ряду, который начинается с Августина, продолжается Паскалем, Кьеркегором, то есть к линии мыслителей, которые остро чувствуют свое бытие, охваченное кризисом и требующим какого-то личного решения. В художественной литературе это узнавание произошло еще раньше. В художественной литературе Тютчев перенес тютчевское чувство бездны. «Человек, сей мыслящий тростник...» - это цитата из Паскаля. Тургенев написал статью «Гамлет и Дон Кихот», имея в виду не собственно Гамлета и Дон Кихота, а расхожие русские типы. Вообще можно и в древности находить, до времени Аристотеля, даже до времени Сократа эти два различных типа, в том числе и в неевропейских культурах. Однако, в то самое время, когда философский пароход вывез большую часть русских мыслителей на Запад, тех, которые остались, по большей части были вывезены на восток и там погибли, главным философом у нас стал Владимир Ильич и главным подходом у нас стал классовый подход и все, что можно сказать об интеллигентском самосознании, потеряло значение. Западное просвещение, которое интеллигенция несла народу, стало пониматься как буржуазное, как чуждое, враждебное пролетариату. Права личности разоблачались как обман. Страна поверила, что есть надежный выход из всех и всяческих кризисов - диктатура пролетариата. Это есть у Фейербаха: мир - это то место, которое можно переделать - это был приговор интеллигентности - интеллигенты были не нужны, требовались специалисты. Бухарин писал, что мы будем их штамповать, как детали машины. На авансцену вышли порождения критически мыслящей личности - революционеры. Поверив в пролетариат, они привели к власти Смердяковых и Шариковых, которые очень скоро загнали старые партийные кадры под нары. Но свое дело Ленин и Бухарин сделали. Понятие «интеллигенция» было выпотрошено, лишено отсылки к интеллигентности, стало обозначением аморфной массы профессоров и счетоводов, стукачей и их жертв. Настоящая интеллигенция оказалась во внутренней эмиграции. Я чувствовал себя дома в романе Достоевского и на чужбине в советской действительности. Многие находили себя в рассказах Чехова, в лирике Серебряного века. Нашей родиной, снова, как для Короленко, стала русская литература. И мы, вернувшиеся из лагерей и уцелевшие на воле, чувствовали свою реальность, противоречащую языку, в котором укрепилось ленинское понимание, что человек, работающий головой, а не руками - это и есть интеллигент. Вопреки марксистской схеме мы чувствовали, что мы были что-то особое, не совпадающее с каждым человеком, занимающимся умственным трудом. И что между нами и инженерами человеческих душ существует антагонизм. Дело Пастернака, а потом [во времена] Хрущева - писателей и художников, выводили из себя, вызвали желание дать сдачи, и с этого началась моя попытка описать наше общество в терминах отрицательных героев Гоголя и Достоевского. Началось желание изобразить Хрущева в виде поручика Пирогова, которого высекали, а он съел слоеный пирожок и утешился. Как раз на Кубе у него произошел инцидент, и этот эпизод подтолкнул связать его с Пироговым. Потом я согласился, что можно и с Ноздревым его сравнить. Один образ потянул другой и получилась целая картина общества, изображенная через характеры Гоголя и Достоевского. Потом - это было году в 62 - в 63-м, лет через 5 - один из читателей показал, что Бердяев меня опередил - что было его эссе «О духе русской революции», где буквально этот подход есть. Еще лет пять прошло, когда я достал это эссе и прочитал. Оказалось, действительно сходство методов полное, а различия объяснимы изменившимся временем. У Бердяева большую роль играл Хлестаков, но и время было такое - говорили об отмене денег, о мировой революции, при социализме обещали сделать из золота общественные уборные - это Ленин обещал, а Троцкий обещал, что при социализме всякий средний человек достигнет уровня, по крайней мере, уровня Гете и Аристотеля - словом, это была сплошная хлестаковщина. А с 62-го - 63-го года нам ничего этого уже не обещали. И - зато появился новый тип - я его назвал Бернар - ухватившись за слово, пущенное Митей Карамазовым, но мне пришлось дать самому

характеристику этого типа, потому что русская литература его еще не описала. Это был тип, созданный советским техническим образованием. В последствие мне говорили, что можно было поговорить и о Скалозубах, но тут я должен выступить на защиту Бердяева и себя, что, во-первых, в 18-м году Скалозубы еще были у белых, а не у красных, а в 62-м они не возникали. Был отдел контрразведки, и они еще не были такими важными, как сейчас. Метод Бердяева обладал преимуществом живости, красочности, но уже в 62-м году пришлось кое-что придумывать. В любой другой стране надо было бы опираться на тамошнюю литературу, скажем, на французскую или английскую или - это вообще нельзя было построить, потому что во многих странах, где уже была интеллигенция, наскоро возникшая, не было классической литературы, описавшей заранее все типы, возникающие в ходе перестройки. Так что пришлось вернуться к каким-то отвлеченным понятиям, и здесь я опять заново изобрел то, что уже было изобретено, а именно некоторые термины Карла Мангейма, о котором я опять позже узнал. Впрочем, сходство с Бердяевым было глубоким и существенным, а с Мангеймом - более поверхностным. Мы констатируем сходные факты, но на разных уровнях. Чтобы стало ясно, в чем суть дела - для Мангейма Сократ - один из софистов. Мангейм не верит, что можно найти опору в глубине более прочную, чем традиция социальной связи. А я верю. И более того - я знаю это по опыту. Поэтому не полно сходство понятия «свободно парящая интеллигенция» Вебера и Мангейма с моим образом «человека воздуха». Мой образ «человека воздуха» все-таки связан с понятием некой духовной интуиции, близкой к религиозной, которая может быть основой целостного мирозерцания без устойчивой социальной позиции. А у Мангейма этого нет. Мангейм критикует марксистскую схему борьбы классов, между которыми болтается прослойка - как вы знаете, интеллигенция считалась прослойкой. Он подчеркивает, что классовые различия не всегда решают - верно, иногда они уступают первое место национальным, религиозным... - это тоже верно, но интеллигенция для Мангейма всегда остается «перекачанным полем». Она вынуждена носиться туда и сюда и к чему-то примыкать. На бытовом западном уровне интеллектуалы примыкали к среднему классу. Как формально примыкали к дворянству русские образованные люди до известного времени. Но русская интеллигенция была свободнее отбита, чем западная, легче пренебрегала бытом. В ней отчетливо намечалось движение вглубь, опиравшееся на сократовского демона. Как вы помните, Сократ говорил, что он прислушивался к своему демону. Демон не в смысле чего-то злого, а к чему-то в глубине самого себя. Мне кажется, что к этому тяготеет и бердяевская философия свободного духа, и шестовская деконструкция всех философских систем задолго до нынешнего деконструктивизма. И когда Антоний Сурожский призывает укорениться в опыте прямых встреч с Богом и мыслить свободно, он продолжает ту же русскую линию.

О разных типах русской интеллигенции

...В эссе, которое я написал в 60-е гг. я ввел различия интеллигентной интеллигенции и неинтеллигентной интеллигенции. Можно воспользоваться идеей Солженицына и говорить о подлинной интеллигенции и образованщине или о русской и советской интеллигенции...

Мангейм определяет интеллигенцию как среду, в которой возникают, сталкиваются и разбиваются друг об друга самые различные мнения. Если это исчерпывает суть дела, то «Вехи» можно понять как призыв к интеллигенции перестать быть интеллигенцией, вернуться к твердой традиционной вере - как сейчас говорят - воцерковиться. На уровне слов такое понимание оправдано и можно подтвердить его десятками цитат. Такое понимание сейчас модно. Но тогда веховцы вели себя не по-веховски. За исключением Семена Людвиговича Франка, который умел найти себе нишу в рамках догмы, они все еретики, все ищут опоры в духе христианства, не связывая себя решениями Соборов. Даже Антоний Сурожский, оставаясь митрополитом, на старости лет решился сказать, что трагедия христианства в том, что решения Соборов слишком много твердо определили, что лучше бы оставить это для свободного личного поиска. И веховская критика интеллигенции остается в рамках истории интеллигенции, в рамках внутреннего развития интеллигентности, ее поворота вглубь, ее признание духовных, но не формальных авторитетов. К этой традиции примыкает и мое понимание интеллигенции как творческого меньшинства, в котором происходит возрождение и обновление ценностей, подорванных стремительными переменами. Таково, по крайней мере, ядро интеллигенции. Но как назвать растущую массу профессионалов умственного труда? В эссе, которое я написал в 60-е гг., («Человек ниоткуда») я ввел различия интеллигентной интеллигенции и неинтеллигентной интеллигенции. Можно воспользоваться идеей Солженицына и говорить о подлинной интеллигенции и образованщине или о русской и советской интеллигенции. Такое деление, хотя и научно не строгое, тоже существует. В Швейцарии я встретился с одной очень милой, к сожалению уже умершей женщиной, еще из первой эмиграции, которая на глазок делила приезжих из России на русских и советских - не по этническому принципу. Я попадал в русские. Она на глазок определяла наличие чего-то такого, связанного с русской интеллигенцией в старом смысле и массовым производством из образованцев нового времени. Но между этими двумя словами довольно отчетливая граница между старой русской интеллигенцией и новым массовым производством. Другое чувство чести. Однако, есть еще вечное различие между людьми типа Кьеркегора и людьми типа Аристотеля, которое можно определить словами «интеллигент» - «интеллектуал». Эта граница часто нарушается. ... был образцовым ученым, и вдруг весь повернулся к таким «проклятым» вопросам. Ученые Сахаров, Орлов, Ковалев вдруг откалываются от советских норм поведения, бросают наук, становятся диссидентами. Бывали и противоположные переходы. Диссиденты, оказавшись в эмиграции, возвращались к своим профессиональным интересам, к какой-нибудь кибернетике, как Турчин, и остывают к проблемам, перевернувшим их жизнь на родине. Иногда уровень проблематичности сталкивается еще с чем-то другим. В молодости Достоевского глубины дремали, сердце было захвачено страданиями униженных и оскорбленных, и вдруг на каторге раскрылись такие бездны, которые не закрываются на социальном и на политическом уровне. Страх перед бездной толкает прочь от

призывов к социальному перевороту. Потом ту же переоценку проделали веховцы - спокойнее, без крайностей, с меньшими издержками полемики. Они все прошли через социал-демократию, в ссылках побывали, а потом их захватили другие проблемы. Но они обошлись без крайностей, которых не избежал Достоевский. Без крайностей обошелся, приведу индийский пример, Ауробиндо. Он был сперва яростным борцом за национальное освобождение Индии, а потому повернулся к йоге и стал заниматься духовным и проблемами. Хотя он не отказывался от своей мечты о независимой Индии, но это отступил для него на второй план сравнительно с проблемой освобождения духа. Такие повороты редки. Даже глубокие сомнения в смысле действия достаточно редки. Гораздо типичнее Чернышевский, чем Герцен. И Гамлет не был типичным принцем 17-го века. И князь типичным князем 19-го века. Широкий круг интеллигенций сочувствовал Льву Толстому, видя в нем свою воплощенную совесть. А Достоевский захватил только зачинателей русской философии - это было довольно после. Мода на Достоевского и «Вехи» пришла при мне, и сразу все огрубело. Мода подхватывает внешнее, прямолинейное, сказавшееся на уровнях слов, не сомнения, спрятанные в недомолвках и черновиках, а открытые категорические высказывания. Мода создает культ пророка, действительного или мнимого. Когда я увидел, что солженицынский ум поработен страстями, что страсти закрывают ему путь в глубину, им же открытый и объявленный, на меня многие рассердились. Захватывало именно то, что меня отталкивало, «пена на губах ангела», как я впоследствии это назвал.

О судьбе советской и постсоветской интеллигенции

...когда надзор попросту уходит выше, не остается даже той пайки, которую давал гражданин начальник, все захватывают блатные, и многие эски начинают думать: «как хорошо было при гражданине начальнике», свобода тускнеет, разгорается солнце справедливости, солидарности, права каждого, самого неловкого, неспособного на кусок хлеба...

...интеллигентность не разрешает союза с дьяволом, она требует верности свободе, даже перекошенной и проваливающейся на каждом шагу. Требует поиска равновесия свободы и справедливости. Свобода слова - воздух интеллигентности, она не делима от верности истины. Верность своему призванию ученого, учителя, врача, режиссера... А если нет политической свободы, свободы оппозиции, свобода слова под угрозой, ядро интеллигенции не может быть партийным...

Становление интеллигенции невозможно без поисков лично ему нужных, лично для него приготовленных, для каждого ... приготовленных для него историей, но требующих того, чтобы искать колодезь в глубину. Счастье, когда встречается сегодняшний колодезь, только что выкопанный, и даже продолжающий углубляться на глазах, но, так или иначе ему приходится искать, и дело каждого - найти свой собственный колодезь. Найти в реальной истории, в жизни, или в литературе. Сегодня волны перемен возмутили у многих внутренне зеркало и те, кто не умеет стихнуть, потеряли этот свой образ, который они постепенно накапливали. Взрыв желанной интеллигентности отбросил ее в сторону. На авансцену вышли новые деятели с киллерами вместо ЧК, с открытым цинизмом вместо идеологии, требовавшие жертв и создававшие аскетов террора. Многие опять соблазнились. Философия соблазнила дух, и опять вышла из моды. Попутчики творческого меньшинства слиняли. Они казались самим себе интеллигентными, когда достаточно было шептать «король гол». Восстанавливать истинные ценности, сложенные в революционной горячке, очищать поруганное они не умели. Это не кризис зерна интеллигенции, просто ветер отсеял ... и стало ясно, что зерна немного. Его и раньше было немного. Что касается зерна интеллигенции, то оно никогда не ограничивалось только критикой. Повторяю, задача интеллигенции - это восстановление ценностей, расшатанных и разрушенных в процессе стремительных перемен. Интеллигенция не может исчезнуть. Интеллигенции нет только в примитивных и архаических обществах, потому что там нет кризиса, потому что там господствуют твердые предписанные ценности. А когда все ломается, когда общественное здание постоянно в трещинах, постоянно в переделке, возникает слой людей, пытающийся связать подлинную связь времен, связать растущую дробность, как выразился Экзюпери, «божественным узлом». Если им ничего не удастся, если постоянное неустройство делается невыносимым, снова и снова всплывает соблазн прыжка в утопию, сколоченную террором. Современное общество все время надо спасать и в воздухе висит соблазн окончательного решения, единой истинной идеи, оправдывающей любые средства. На Западе это можно не заметить. Запад успешно борется с симптомами кризиса, и лечит их паллиативами, по методу проб и ошибок. Но над нами дамоклов меч постоянно и ощутимо висит в воздухе, и нужно постоянное усилие, чтобы не дать одной идее овладеть обществом и стать безумием, idea fix. Такой идеей фикс может стать и свобода - бог либералов - противников утопии. Уставшие о рабства, мы готовы были воскликнуть вместе с героем Лопе де Фигейредо, в пьесе «Лисицы и Виноград», которое я смотрел - вы, наверное, его и не видели: «где та пропасть, в которую бросают свободных людей»? Там Эзопа обвиняют в кощунстве. Если считать, что он раб, то его только побьют, но если считать, что он свободный человек, то его бросят в пропасть. То, что ему дали вольную, было неизвестно. И Эзоп восклицает: «Где та пропасть, в которую бросают свободных людей!?» Но когда надзор попросту уходит выше, не остается даже той пайки, которую давал гражданин начальник, все захватывают блатные, и многие эски начинают думать: «как хорошо было при гражданине начальнике», свобода тускнеет, разгорается солнце справедливости, солидарности, права каждого, самого неловкого, неспособного на кусок хлеба. ... Я вот сейчас вот сидел, просматривал журнал, где опубликовано было старое, десятилетней давности интервью Михника с Гавелом, где они обсуждают вот эту самую проблему, что в период неустройства большое число людей, привыкшее к тоталитаризму, чувствует себя растерянными и обездоленными и тянутся назад, даже в таких благополучных сравнительно странах, как Чехия и так далее. И там это было сравнительно быстро сейчас изжито, потому что быстро наладился новый порядок. Но у нас эта привычка складывалась 70 лет, и она стала второй натурой. Свобода - простор для сильного, способного воспользоваться свободой. Меня свобода не тяготит, потому что я сохранил ясность головы, и я могу

говорить и писать такое, что и сейчас можно... Но если бы я - в мои годы это вполне возможно - был способен только на то, чтобы получать каждый месяц пенсию, то что бы мне дала свобода? Ничего, она мне не дала, дала только то, что пенсия стала в реальной ценности меньше... Так что если свобода не уравновешена законностью, справедливостью, защитой слабого, проигравшего в свободной игре, свобода сильных становится бичом слабых, и слабые всей своей массой поддерживают Левиафана, пожирающего свободу. Я вспоминаю образ Гоббса, представившего государство чудовищем-Левиафаном, которое поддерживает порядок тем, что оно давит все. И вот когда я читал у Гайдара, что каждый человек, который может за свой счет поехать на Кипр, будет за них голосовать, я думал: «Ну и дурак! Ну кто же за тебя будет голосовать! Сколько людей у нас может поехать на Кипр?» Я был готов к свободе, я не дожидался пока мне ее дадут, я издавался в Самиздате, в Тамиздате - у меня три книжки были напечатаны на Западе еще при старом режиме. И в пространстве свободы я не только почувствовал свою силу, я понял опасность этой силы. Еще в 70-е годы я написал, что «дьявол начинается с пены на губах ангела». То есть, когда человек охвачен полемикой, его охватывают, я бы сказал, бесы полемики. И хочется не просто доказать свою правоту, а сделать больно своему оппоненту. Я додумался до этого сперва в первом круге полемики с Солженицыным, а потом внимательно читал письма Достоевского, и нашел там фразу: «Я хотел ударить западников окончательной плетью». *Окончательно ничего нельзя искоренить.* Общество полно противоречий, и всякая идея в какой-то степени может находить почву. Можно только ограничивать идеи, которые в данный момент становятся ложными. А если вас охватывает идея что-то выкорчевать до конца, если вас охватывает то, что я назвал пена на губах» тогда я сочинил такую фразу - около 80-го года - она сейчас иногда цитируется, в какой-то степени вошло в поговорку: *«Наивность представляет добро и зло, как два войска с развернутыми знаменами идут друг на друга. На самом деле добро не воюет и не побеждает - оно светит на всех и охотнее держится на стороне побежденных, а то, что воюет, всегда причастно злу. И чем более яростно оно сражается, тем больше погрязает во зле».* И дальше вот эта центральная фраза: *«Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело и так до гиены огненной идо Колымы. Все рассыпается в прах - и люди, и системы. Но вечен бог ненависти в борьбе за правое дело, именно благодаря этому зло не имеет конца».* Приблизительно, так было сформулировано, и я считаю это чрезвычайно важным тезисом, который надо было знать, вступая в полемику. Еще в 70-е годы я написал об этом, и поэтому стиль полемики важнее предмета полемики - это тоже в 70-е годы написал, и это было принято как чудачество. Даже мои друзья это не поняли. Они это поняли сейчас, в последние годы, когда потоки грязи наполнили наши средства массовой информации. Ну вот, дальше произошло то, что рухнула система, которая всех подавляла и захватила территорию тех, которые не были подавлены. А кто не был подавлен? Не были подавлены теневики - они приспособились, они подкупали власти и как-то делали свое дело, не были полностью подавлены преступники... И именно эта коалиция теневиков и преступников оказалась единственной силой, которая созрела в недрах советского общества, которая захватила инициативу, когда все остальные были подавлены, когда инициативы была у них отбита. Помните, инициатива наказуема... Или вы уже эту поговорку не знаете? В этих условиях единственный слой, сохранивший инициативу, теневики и бандиты, они и стали лидировать. И их нравы захватили все общество, сбитое с толку, не способное внутренне сопротивляться. И победила сложившаяся спайка теневиков со слугами закона, которым государство плохо платило, как всегда в России плохо платило. Эта спайка оказалась тем самым новым обществом, которое созрела в чреве старого. Демократия, неопытная и неумелая, на каждом шагу оборачивалась клептократией. Совок к этому не был готов. Он принял бы немецкие порядки, если бы какие-нибудь немцы их ввели и даже научился бы не переходить улицу на красный свет. Но заводить новые порядки, сплотиться в партии борющихся за честный демократический порядок, он не сумел. У него всю жизнь отбивали инициативу, и отбили. Он оказался беспомощен перед властью воров и бандитов. И голосует либо за коммунистов, либо за чекистов.

Туманное понятие интеллигента происходит от сочувствия к слабым, несчастным. «К голодному Бог приходит в форме хлеба, - сказал Ганди, - а когда кусок хлеба вырывают изо рта, приходит дьявол». *Но интеллигентность не разрешает союза с дьяволом, она требует верности свободе, даже перекошенной и проваливающейся на каждом шагу. Требует поиска равновесия свободы и справедливости. Свобода слова - воздух интеллигентности, она не отделима от верности истине.* Верность своему призванию ученого, учителя, врача, режиссера... А если нет политической свободы, свободы оппозиции, когда свобода слова под угрозой, ядро интеллигенции не может быть партийным. Но я и не сторонник и безучастности в политике. Я понимаю позицию итальянского мыслителя Бодлео, вступавшего в диалог с либералами, социалистами, даже с коммунистами... Итальянские коммунисты довольно сильно отличаются от наших - с ними можно вести диалог, - оставаясь сам по себе независим от политических пристрастий. Я думаю, что такая независимость возможна. И в нее входит также свобода от отрицательной зависимости, от ненависти к миллионам, нажитым в финансовых играх... Но это писалось, когда была борьба вокруг НТВ, поэтому я об этом здесь пишу... Свобода от избыточного презрения к грязно нажитым деньгам. Когда Гусинский ссорился с Березовским, мне было противно, и я повторял тогда эпиграмму:

Березовский заказал Гусинского, а Гусинский - Березовского.

Не понятно, начинать с кого, а, покончив - получать с кого.

Но когда государство всеми своими органами обрушилось на оппозиционного олигарха, то я на стороне был оппозиции. Потому что государство без оппозиции способно на преступления гораздо большие, чем преступления олигархов. Сегодня при господстве электронных средств массовой информации, очень дорогих, свобода слова совершенно реальна только для человека, сумевшего нажить миллиард. Достоевский

в свое время называл миллион - он говорил, что свобода реальна, если иметь миллион - но а сейчас надо иметь миллиард. Это свобода Гусинского. Если бы у него не было прихоти завести НТВ, никакой свободы в русском эфире вообще бы не было - все съел бы Левиафан. Свобода слова сегодня практически неотделима от свободы олигарха. И надо помнить, что свобода в Англии началась с гарантии прав лордов. А в России это не получилось, потому что дворянская гвардия, позавидовав вельможам, вырвавшим у Анны Иоанновны что-то вроде шведской конституции. Позавидовала и подала царице грамоту с просьбой самодержавствовать по-старому. Равенство в бесправии показалось справедливее, чем права, которыми непременно воспользуются в первую очередь сильные, оттесняя слабых. Что из этого вышло, хорошо известно - бироновщина. И у нас есть шанс к этому вернуться, хотя бы в виде ослабленного и гротескного повтора. Интеллигентность - это традиция внутренне свободного творческого меньшинства, ставшего жизненным стилем, поведением личности. Это прислушивание к сократовскому демону, к безымянному переживанию Кришнамурти, чувству встречи, о котором говорил владыка Антоний.

Интеллигентность - это внутренняя готовность к внешней свободе и готовность защищать эту свободу от покушения извне, и от внутренних пороков, от превращения свободы во вседозволенность.

Но дальнейшее развитие темы требует уже новых идей, которые мне сегодня уже не хочется развивать, поэтому на сегодня достаточно, поэтому давайте поговорим.